

* * *

Дух-сан повела меня к тому месту, где лежал оставшийся предмет. Никто не хотел разговаривать, пока мы шли обратно в деревню. Несмотря на молчание, идти было совсем не далеко. Возможно, мой разум был менее осведомлен о течении времени с призраком, контролирующим мое тело. Или, что более вероятно, я просто устал. В любом случае, было еще не слишком поздно, когда мы добрались до храмовой территории деревни, которая выделялась на фоне окружающей природы.

Как и ожидалось, сам храм был небольшим - единственное здание, которое, вероятно, выполняло функции как главного зала, так и места для проповедей. Это было приземистое строение с непропорционально большой дугообразной крышей, похожее на ребенка во взрослой шляпе. Среди голых деревьев и кустов я заметил простые ворота, отмечающие вход на территорию. Они были очень похожи на храм, с небольшой проработкой и крутой черепичной крышей, а если сказать проще, немного походили на деревянный куб с отверстием, служившим огромным дверным проемом. На территории не было ни больших статуй, ни пагоды; в такой маленькой деревушке все должно быть просто.

За храмом я мог заметить только разнообразие безжизненной флоры зимы, которая смешивалась с легионами тонких деревянных столбов, служивших могильными плитами на близлежащем кладбище. У каждой деревни были свои обычаи, когда дело доходило до смерти, и хотя кремация стала обычным делом среди благочестивых, она была слишком дорогой практикой для большинства жителей деревни. Похоже, деревенским не требовалось слишком много места для кладбища, и только дюжина или около того каменных надгробий располагалась в центре. Большинство из этих каменных плит также включали держатели для различных подношений, таких как ладан, свечи, еда или питье.

Могила семьи Киджимута должна быть где-то поблизости, и, вероятно, там похоронена бабушка Духа-сан. Но это заставило меня задуматься - не будет ли там и тела Митико?

«Это...»

Голос Духа-сан задрожал у меня в голове. Я огляделась, гадая, не случилось ли чего необычного.

«Нет. Нет. Нет. Нет».

Я хотел спросить, Что случилось, но все мое тело начало дрожать. Я скрестил руки и схватился за локти, словно пытаюсь устоять перед сильнейшим морозом. В то же время у меня закружилась голова. Когда я попытался спросить Духа-сан, что случилось, я понял, что стою на коленях, мое тело сгорбилось и покрылось холодным потом.

- Почему я здесь? – закричала Дух-сан, и в моем тошнотворном состоянии я подумала, что это кричу я.

«Я покончила с собой! Почему я не осталась мертвой? Почему я продолжаю существовать и делаю всех несчастными? Мое мертвое тело... моя мертвая, растраченная впустую, бессмысленная жизнь!»

С этими словами ситуация прояснилась. Если случайные предметы, слабо связанные со смертями, свидетелем которых она была, могли вызвать реакцию Духа-сан, то ее собственное мертвое тело, похороненное на этом кладбище, оказало на нее еще большее воздействие. Просто войдя на это кладбище и позволив чувству абсолютной смертности Духа-сан утонуть в ней, я ощутил поток эмоций, пронизывающий мое тело. Она умерла, но продолжала существовать. Мысли, промелькнувшие в ее голове, когда она впервые по-настоящему захотела покончить с собой... неужели она действительно намеревалась стать призраком?

«Сколько еще людей пострадает из-за меня? Мне нужно было перестать существовать. Должна ли я вообще существовать? Я больше не могу существовать. Как долго я должна существовать? Я не должна существовать. Почему я не могу просто не существовать?»

Я упал на спину, чувства покинули меня.

* * *

Я лежал на футоне, уставившись в потолок и его пустую паутину. Это был один из тех дней, когда я вообще ничего не хотел делать. Мне просто хотелось лежать и как можно меньше двигаться. Я даже думать ни о чем не хотел. Возможно, если я больше не буду думать, двигаться или чувствовать, я просто исчезну. Я могу просто исчезнуть из мира, и, возможно, даже ускользнуть из памяти каждого. Как песок между пальцами.

Это были не мысли, которые когда-либо были у меня, за исключением, возможно, желание просто лежать на футоне весь день. Я часто мечтал об этом. Но это, должно быть, были мысли Духа-сан. Я снова был Духом-сан... лежал на полу, не шевелясь. Был полдень? Как давно я здесь?

Я уставился в потолок, боясь закрыть глаза. Я не настолько устал, чтобы заснуть, и если я закрою глаза, мой разум неизбежно вернется к... ним. Бесконечная череда вопросов, на которые я никогда не смогу ответить. Я не хотел падать в эту дыру, но мне больше нигде было спрятаться. Поэтому я просто сосредоточился на лежании.

Иногда я считал бороздки в деревянных досках, поддерживающих крышу. Я мог делать это часами. Иногда мои глаза теряли фокус, и я начинал видеть их двоящимися. Я старался как можно дольше сохранять двоящееся зрение и снова считал бороздки - включая линии, которых на самом деле не существовало.

Через какое-то время мое зрение снова обрело четкость. Но это было забавно. Чуть-чуть

отрегулируйте глаза, и все, что вы видите, станет бессвязным. Мир исказится. От этого у меня разболелась голова.

* * *

Я все еще смотрел в потолок, но чувствовал себя по-другому. В комнате стало холоднее. Я сел и потянулся, сладко зевая. Я подумал о том, чтобы снова лечь. Может быть, я снова засну? Я, все равно, чувствовал себя достаточно уставшим.

Но я почувствую усталость, когда проснусь позже. А в этот момент я не хотел бы лежать на футоне весь день. Мне нужно было чем-то себя занять. Что бы я ни делал, это не имело значения. Помогать маме по дому или отцу с работой... конечно, мне от этого не легче. Я все еще ничего не делал со своей жизнью. И я никогда не был ближе к тому, чтобы найти ответы. Но это не давало мне утонуть в жалости к себе.

Я помог маме приготовить завтрак, а после того, как поел с ней и отцом, вышел на улицу, чтобы помочь папе с каким-то проектом, над которым он работал. Мои родители и я помогали с рисовыми полями общине в разное время года. Например, в течение недель посадки или сбора урожая. Но большую часть года мой отец работал плотником и ремонтником. Его проекты никогда не были чем-то слишком серьезным, и в целом это было просто то, в чем он был хорош, а не то, в чем он действительно был искусен. Его истинной страстью было чтение трудов малоизвестных философов, аскетов, прорицателей и странствующих жрецов, с которыми никто в деревне не был знаком.

Пока я помогал присыпать песком бесформенную деревянную плиту с приплюснутым стеблем хвоща, отец цитировал некоторые из этих трудов и делился своими бессвязными мыслями на каждую тему, которую они поднимали в своих работах. Обычно я просто соглашался со всем, что он говорил, но в глубине души мне было все равно. Ничто из этого не помогало мне почувствовать себя лучше. Это была еще одна вещь, из-за которой я нигде не мог вписаться. Хотя я был почти уверен, что мои родители придерживались тех же общих верований, что и все остальные в деревне, хотя они, безусловно, проводили свои дни необычным образом... часто в форме странных ритуалов и сомнительных методов гадания.

Их усилия не помогли избежать трагедии. Но винить в этом надо было только себя. Это была моя вина, Хана-тян и Исеки-Сан...

Я не мог позволить себе снова впасть в депрессию. Не перед моим обеспокоенным отцом. Я знал, что мои родители почти каждый день оставляли для меня пожелания в храме. Я стал для них обузой. Любая нормальная девушка моего возраста давно бы вышла замуж и завела стабильную, надежную семью, которой гордились бы ее родители.

Или, по крайней мере, делала бы хоть что-то со своей жизнью. Я всегда делал всем только хуже.

Я перестал шлифовать и с минуту просто смотрел на дерево. Отец продолжал работать, хотя время от времени поглядывал на меня, чтобы убедиться, что со мной все в порядке. Возможно, он просто решил, что я устал. Я быстро уставал.

Через некоторое время отец остановился и смахнул челку с усталого лица.

- Ты можешь немного погреться внутри, Митико. Я закончу с этим сам, - он никогда не давил на меня слишком сильно. Отчасти он, вероятно, полагал, что мне не нравится работа такого рода, и, надо признать, мне она правда не нравилась. Но что-то надо было делать. Мне просто нужно было чем-то заниматься.

Я зашел в дом, как предложил отец, и обошел все комнаты. Я заметил, что мама лежит на полу, прижав руки к бокам и закрыв глаза. Вокруг нее был идеальный круг из опавших листьев, и я мог только догадываться, зачем это было нужно. Я оставил ее в покое и пошел в свою комнату.

Возможно, мне следовало заняться чем-то другим? Что я должен был делать? Мне не хотелось задавать себе этот вопрос. Это всегда заставляло меня думать обо всем, что я мог бы сделать по-другому за последние несколько месяцев. За последние несколько лет. За всю жизнь.

* * *

В другой раз, но всегда в одном и том же месте: мой мир - эта маленькая комната. Я рухнул на futon и задрожал под одеялом. Скоро наступит зима. В это время года никто не казался счастливым. Мне становилось легче от мысли о том, что другие люди тоже могут страдать, хотя бы недолго. Разве это не ужасно с моей стороны? Это было грустно. Была середина дня, и все, что я мог заставить себя сделать, это лечь на пол.

Если бы не я, Хана-тян и Исэки-сан жили бы сейчас на полную катушку. Почему они должны были умереть? Я знал, что ответа нет, но все равно не мог не спросить.

Я схватил себя за волосы и ударил лбом об пол.

Они, должно быть, так меня ненавидят. А почему бы и нет? Я заслужил ту ужасную судьбу, которую они могли мне уготовить. Они могли разорвать меня на куски, сжечь заживо или проткнуть тысячью иголок. Что мне нужно было сделать, чтобы они покончили с моей проклятой жизнью? Нужно ли называть их имена?

«Хана-тян! Исэки-сан! Хана-тян! Исэки-сан! Хана-тян! Исэки-сан!»

- Хана-тян! Исэки-сан!

Я выкрикивал их имена в подушку, пока все мое тело не задрожало. Когда в горле у меня пересохло, я продолжал кричать. В последующие часы я хватался за волосы и плакал, ожидая конца.

* * *

Я сел, ни на что не глядя. Вокруг меня были могилы. Мое сердце забилося так быстро, что стало больно дышать, и потребовалась минута, чтобы головокружение прошло, и я снова попытался встать. Казалось, воспоминания Духа-сан прошли, и теперь я должен был решить, что делать со всем этим.

Очевидно, Дух-сан никогда не была особенно близка ни с кем за порогом своего дома, и две смерти, за которые она чувствовала себя ответственной, были смерти людей, которых можно было считать парой ее очень немногих знакомых. Во всех воспоминаниях, которые я пережил в этот раз, была тенденция к отчаянию и безнадежности, но было ли что-то еще, с чем я мог бы работать? Мне нужно было найти что-то более конкретное для объяснения нынешнего состояния Духа-сан.

«Ты чувствовал то же, что и я, Наоки-кун? Я не хотела, чтобы ты прошел через все это...»

- Все в порядке. Но это заставило меня задуматься... почему ты чувствовала, что тебя хотят преследовать призраки? Это не то, что случается с людьми в первую очередь.

«Разве ты еще не понял? Если бы меня не было рядом, всем было бы лучше? У Ханы-тян и Исэки-сан есть все основания ненавидеть меня. Они не могли жить той чудесной жизнью, которой должны были наслаждаться, так что, если есть хоть какой-то способ отомстить или добиться справедливости, или просто уладить все между нами... я хочу, чтобы ты помог мне сделать это, Наоки-кун.

Я не хочу, чтобы все страдали вечно. Есть ли способ помочь им двигаться дальше? Я беспомощна сама по себе. Я никогда ничего не могла сделать правильно сама. Но я должна что-то сделать. Я умерла за шанс что-то сделать. Я так и жила, изо всех сил надеясь, что смогу что-нибудь сделать».

Но что это было? Было что-то большее, чем то на что намекала Дух-сан. Ответ должен лежать в этих воспоминаниях. Что позволило Киджимуте-сан так жить?

Конечно, не было никаких призраков, которые могли бы вызвать ее. Дух-сан должна была уже понять это. Никто не хотел преследовать ее. Даже если бы она каким-то непонятным образом была ответственна за чью-то смерть, никто не захотел бы задерживаться только для того, чтобы заставить одного безобидного чудака страдать больше, чем он заслуживала. Так если Дух-сан на самом деле не задерживалась, чтобы кого-то преследовать, почему она стала призраком?

Это не могло быть просто желанием избавиться от одиночества. Одиночество было неотъемлемым элементом ее сверхъестественных воспоминаний, но невероятно мало шансов, что призрак когда-нибудь заведет друзей. Такое желание, скорее всего, подтолкнет ее к новой жизни.

Может, она и покончила с собой, пытаясь уберечь от смерти других людей, но это не объясняло, почему она стала призраком. Что связывало все переживания Киджимуты-сан воедино? Причины смертей были вне ее контроля. И в самом деле, она всегда чувствовала себя бессильной, неспособной что-либо изменить в своей необычной жизни. Это, возможно, увеличивало вероятность того, что она задержится, но что заставляло ее оставаться в этом смертном мире призраком?

Дух-сан много говорила о своих незаконченных делах с теми, кто умер. Но если никто из них не пытался проклясть Киджимуту-сан, пока она еще была жива, вероятность того, что они захотят сделать это после ее смерти, была еще меньше. Мог ли тогда Дух-сан иметь какие-то незаконченные дела с живыми?

Конечно. Это были ее родители. Все это время, Дух-сан должна была иметь сильные чувства, похороненные глубоко внутри нее в отношении родителей. Она скрывала свои эмоции, но что-то в них должно было быть. И с этим нужно что-то делать.

- Дух-сан, что ты делала после смерти? Сразу после того как ты стала призраком?

Дух-сан не ответила.

Возможно, это означало, что я на правильном пути, поэтому я продолжил.

- Ты преследовала своих родителей?

<http://tl.rulate.ru/book/23951/501798>